

А. Б. ПЕТРИЩЕВ

Владивосток
1990

А. Б. ПЕТРИЩЕВ

ИЗ ИСТОРИИ КАБАКОВ В РОССИИ

Владивосток
РИО Примупрполиграфиздата
1990

Глава I

„РУСИ—ВЕСЕЛИЕ ПИТИ“

Порою приходится слышать, будто в старину на Руси пьянства было меньше, чем теперь. В действительности, в старину пьянство было изобильнее и спиртные напитки были гораздо разнообразнее. В старые годы был в большом ходу хмельной квас, какого теперь не варят, да и варить его нельзя, не заплативши акциза. Был вино; было медовое вино, называемое кратко «медом», была и нынешняя водка—хлебное вино. Все эти напитки приготавливались в России. Было еще вино виноградное разных сортов, но его привозили в Россию глазным образом из-за границы.

Пили по часту и помногу не только мирные, но и духовные лица, а в том числе и монахи, и схимники. Даже такой суровый подвижник, как инок Рассман, живший во времена Ивана Грозного, хоть хлеба вкушал мало, но «пьяше романию, мушкатель, ренское белое винс». Даже в женском Новодевичьем монастыре, для одной только царицы Евдокии, которая там была инокиней, был заведен особый погреб, а в погребе том, кроме простой водки, в изобилии хранилось «винс венгерское, вино бургонское, вино французское... целыи бочками, водки тминная, анисовая, настойки на ландыше и на сосновом побеге, вишневки, меды, пива и другое многое спиртное питье». Когда после царицы стали все это считать, то одного только хлебного вина (т. е. простой водки) оказалось 473 ведра — около 12 сорокаведерных бочек. В мужских обителях спрос на спиртное был еще больше. Напр., для игумена Сергиева монастыря возле Холмогор одного погреба с винами не хватало. И он завел себе два погреба. Троице-Сергиевской лавре «для обительного содер-

жания» не хватало водки своего изделия, и ей было разрешено по 3000 ведер ежегодно привозить из Малороссии. Хмельное потреблялось ежедневно. И когда игумен той же, напр., Троицкой лавры выезжал в Москву, то он обильно запасался на дорогу «веселящими питьями», хотя от лавры до Москвы всего 60 верст. Духовенству от казны полагалось даже, сверх обычного содержания, особое жалованье водкой. Так, при царе Алексее Михайловиче сибирскому архиепископу Киприану «для его домашнего обихода» велено было отпускать «сто ведер водки из верхотурского кабака» на каждый год. В Астрахани чиновникам (по старинному: «служилым людям») от казны водка жаловалась лишь «на государевы ангелы», а духовным лицам «для повседневного питья».

Насколько, вообще, пить было в обычае, можно судить по следующему. В старые годы в Москве, да и в иных местах, где много было святынь, каждый почти день по утрам происходил наем попов. Делалось это обыкновенно так. Духовные лица ранним утром собирались на людные места. Сюда же приходили те, кому нужно было заказать поминальную обедню, молебен или иное богослужение. Заказчик обращался к тому священнику, который ему больше нравился, и договаривался с ним. Конечно, не обходилось при этом без торга: заказчик давал меньше, священник запрашивал, один набавлял к своей цене, а другой сбавлял, — как обыкновенно при всяком торге бывает. А когда заказчик упрямился и не давал, сколько ему сказано, священник говорил;

— Давай, а не то закушу.

И подносил ко рту шкалик и калач. То есть заказчикова цена так несообразна, что он, священник, предпочитает позавтракать, а следовательно, отказаться на день от службы и от заработка (священнику подобает служить лишь натощак, а поевши служить нельзя). Это помогало убедить богомольца, что нужна прибавка, и он прибавлял. Шкалик же в руках попа никого не удивлял. Это считалось делом обычным:

— Вышел, дескать, поп заказчика искать. А раз заказчик не нашелся, — надо же человеку позавтракать. А перед завтраком надо же выпить.

Таковы были нравы духовенства, хотя духовные особы

так стеснены и саном, и службой. Поэтому можно судить, как смотрели на выпивку мирские люди. Недаром же старинные книжники уверяли, будто князь Владимир киевский сказал:

— Руси есть веселие пити. Не можем без того быти.

Пить было вольготно. Каждый варил, сколько ему нужно, брагу, сусло, квасы, меды, курил водку, настаивал настойки, паливал наливки. Пили хмельное, обыкновенно, по-семейному, дома. В будни каждый выпивал со своими чадами и домочадцами, сколько привычно. А в праздничные дни знакомые и близкие собирались друг к другу, устраивались пирушки, и тут уж хмельное истребляли без счета, сколько влезет. Времена стояли дикие. Не было ни книг, ни школ. Не было и интереса к делам умственным, духовным. Теперь часто бывает так: сойдутся люди, станут говорить, как лучше устроить жизнь, как справедливее жить, и говорят об этом всю ночь напролет, забывают и еду, и сон. Теперь многие люди уже научились думать; стали сознавать, что мысль — дело великое и важное. Иная мысль так зажигает сердце человеческое, что за нее жизнь отдать не жалко и мучение претерпеть не страшно. Но, конечно, чтобы проникаться мыслью до готовности пострадать за нее, нужна привычка к умственной, духовной жизни. В старые годы такой привычки не было. Люди жили «по старине», как ныне нередко говорят, — т. е. работали для пропитания, ели, спали. А выпивка помогала им коротать часы досуга и забывать горе.

Словом, выпивали в старину много. Спиртные напитки были у наших предков как бы предметом первой необходимости. А необходимый предмет довольно легко сделать источником дохода.

Г л а в а II

ЦАРЕВ, МОНАСТЫРСКИЙ И БОЯРСКИЙ КАБАК

Решаюсь для пояснения напомнить один, сравнительно недавний случай. Несколько лет назад в Уфимской губернии какой-то исправник в своем уезде стал предлагать крестья-

— Составьте обществом приговор, что продаете мне ветер, а я вам за это дам на водку.

Крестьяне хохотали до упаду. Легкомысленно составляли приговор и получали на водку. А когда исправник «скупили» таким способом ветер во всем уезде, то оказалось, что это вовсе не шутка. Он начал с того, что обложил налогом все ветряные мельницы и запретил строить новые:

— Ветер, — говорил он, — мой. Я его купил. Значит, кто хочет моим ветром рожь молотить, тот пусть сначала аренду мне заплатит. Чужой собственностью нельзя пользоваться даром и без разрешения владельца.

Исправник был человек мелкий, и его сместили. Но если бы это была особа покрупнее, напр., губернатор, то, Бог весть, какой оборот приняло бы дело о покупке ветра. Возможно допустить, что какой-нибудь барон, граф, либо князь был бы утвержден в правах собственности и стал бы торговать ветром оптом и в розницу, сдавать в аренду. И за пользование ветром без разрешения «владельца» людей стали бы судить, как за воровство.

Спиртные напитки постигла судьба вроде той, какая угрожала уфимскому ветру. Явилось соображение:

— Если объявить, что только мне принадлежит право курить водку и только мне принадлежит право торговать ею, то я могу получать большой доход, ибо водка всем необходима, и все ее привыкли пить.

У кого впервые явилось это соображение, сказать трудно. Полагают, что оно принесено в Русь татарами. Действительно, татарские ханы, называвшие себя также «царями», считали, что только они имеют право готовить и продавать спиртные напитки. У татар хмельное продавалось обыкновенно в постоянных дворах (или, по-татарски, «кабаках», и оттого, постоянные дворы назывались у них «ханскими кабаками», «царскими кабаками»). Ханы либо сажали в кабаках торговать своих чиновников, либо сдавали право кабацкой торговли в аренду откупщикам. Однако мы не знаем, сами ли татарские ханы додумались до этого, или их навели на эту мысль русские князья. Известно, напр., что в Галицкой Руси, еще до прихода татар, сдавалось в откуп право торговли водкою и вообще спиртными напитками. Известно далее, что в Византийской (греческой) империи право на торговлю спиртными напитками также сдавалось в аренду откупщикам. А так как христианство проникло к

нам из Византии, то возможно, что именно греческое духовенство объяснило русским князьям, какой большой доход может давать водка. А, стало быть, возможно и то, что русские заимствовали мысль о «царевых кабаках» у греков, татары у русских, а потом, после свержения татарского ига, «царевы кабаки» возродились в России. Несомненно лишь то, что, во-первых, слово «кабак» татарское, а во-вторых, в Московском государстве еще при царе Иване Грозном кабаки были правительственными учреждениями.

Закон был таков:

Курить вино, а также готовить другие спиртные напитки имеет право только государь, либо те, кому государь укажет или позволит. Продавать вино и вообще спиртные напитки может также лишь государь, либо тот, кому государь укажет или позволит. Продажу спиртных напитков разрешалось производить только из особых учреждений, называемых кабаками. Причем весь доход от продажи поступает, обыкновенно, в царскую казну. Куда расходовались эти деньги, сказать затруднительно. Известны случаи, когда кабацкие доходы употреблялись государями для личной надобности или для надобностей царской семьи. Напр., в 1615 г. на погребение прочествовавшей царицы Александры государь Михаил Федорович повелел — взять из кабацких денег 50 рублей*. Полагают, однако, что кабацкие деньги употреблялись также и для государственных надобностей.

Кроме кабаков царских, были кабаки «жалованные». Жаловал государь кабаками довольно часто монастыри, т. е. монастыри получали право содержать кабак и пользоваться с него доходом. Например, пользовался большой известностью кабак Макарьевского монастыря (на Волге, близ села Лыскова). Об этом кабаке нам еще придется говорить. Был пожалованный кабак Новоиерусалимского монастыря, любимого патриархом Никоном; был кабак Крестного монастыря в Каргопольском уезде; были кабаки Троице-Сергиевской лавры и многих других обителей. За монастырями было признано также право курить вино. Право это сохранялось очень долго. Даже в 1866 г., т. е. уже при Александре II, было подтверждено, что «варенье пива, меда и браги в корчагах и котлах, исключительно для монастырских нужд, доз-

* На нынешний счет это около 1000 р. Надо помнить, что в старину деньги были гораздо дороже, чем теперь.

воляется производить без акциза всем монастырям».

Еще чаще жаловались кабаком дворяне и бояре и вообще близкие к царю люди. Напр., царь Иван Грозный пожаловал один кабак в Москве своим опричникам. Царь Федор, сын Ивана Грозного, пожаловал боярину Шуйскому псковские кабаки, т. е. Шуйский получил право открывать кабаки в Пскове и получать себе доход от них. Это было великой милостью, которой добивались все бояре. В смутное время этой жадностью к кабацким доходам воспользовался польский король Сигизмунд. Посулив боярам и дворянам кабаки, он добился того, что его сын Владислав был избран царем на русский престол (народ, конечно, в этом избрании не участвовал).

И надо сказать правду: Сигизмунд выполнил свое обещание: он пожаловал боярам несколько сот кабаков. А некоторые из тех, кого Сигизмунд обделил, обиделись, признали царем тушинского самозванца, и за это самозванец тоже жаловал кабаками. И каждый из пожалованных старался поддерживать того «царя», от которого получил выгоду. В конце концов дворяне добились исключительных прав. Ека- териною II был установлен закон: «вино дозволяется курить всем дворянам, а прочим никому». И дворянам же было предоставлено преимущественное право содержать кабаки. И они держались этого права, даже принявши духовный сан. Между прочим, уже при государе Александре I в 1810 г. возник вопрос: имеют ли право духовные лица из дворян «держать кабаки»? Вопрос этот рассматривался государственным советом. И совет рассудил так: с одной стороны, 6-й Вселенский Собор воспретил содержать «корчемницы» даже церковным причетникам; тем паче нельзя иметь кабаки иереям, архимандритам и архiereям; а с другой стороны, никак нельзя лишать дворянина, хотя бы и принявшего духовный сан, дворянских прав. Поэтому было решено: если дворянин состоит только причетником, то он может сам торговать в своем кабаке; а если дворянин достиг сана высшего, напр., неромонаха, схимонаха, архимандрита, архиепископа, то он должен свой кабак сдать в аренду или в откуп, а сам в нем торговать не может. Курить же вино дворя-

нин во всяком случае может, хотя бы он достиг сана митрополитского*.

Взгляд, что дворянство имеет особые права на доход от водки, уцелел до сих пор. Ниже мы увидим, какое значение имели заботы правительства об увеличении дохода дворянских винокуренных заводов, когда вводилась министером Витте ныне существующая «казенная винная монополия». Здесь же напомним лишь следующее. При Александре III и ныне царствующем государе, когда Витте вводил монополию, возник вопрос, как быть с доходами, которые получают сельские общества и дворяне. После уничтожения крепостного права, когда установилась «вольная» торговля водкой, сельские общества за разрешение целовальнику на открытие кабака назначали особую плату. Благодаря этому общественному налогу крестьяне получали с кабатчиков крупную сумму. По расчету профессора Ходского, во всей России собиралось сельскими обществами ежегодно 12—15 миллионов рублей. Деньги эти шли на разные общественные нужды и, между прочим, на постройку школ. Но во многих местах разрешение на открытие кабаков зависело только от дворян. Это право дворян открывать кабаки и брать аренду с кабатчиков называлось «провинанционным правом». И вот правительство рассудило так: сельские общества должны быть лишены того дохода, который они имеют от кабатчиков, что же касается дохода дворян, то его надо признать частною собственностью; а так как частная собственность священна и неприкосновенна, то за уничтожение провинанционного права дворянам должно быть выдано из казны «справедливое вознаграждение». Таким образом, у крестьян был доход снят, а дворяне получили несколько десятков миллионов рублей.

Вообще доходами от продажи водки награждались лишь

* Это постановление государственного совета я заимствую из книги Ивана Прыжова: «История кабаков в России, в связи с историей русского народа». Книга эта напечатана в Петербурге в 1808 году и ныне найти ее очень трудно. Прыжов замыслил обширное научное исследование о питейном деле в России. Им были собраны богатые материалы. «История кабаков» — лишь первая часть задуманной работы. К сожалению, Прыжов, подвергнутый правительственному преследованию за свою политическую деятельность, этой работы не окончил. Куда делись собранные им материалы, неизвестно. Многие из того, что приведено в этой моей книжке, заимствовано из «Истории кабаков» Прыжова.

те сословия, которые помогали правительству укреплять самодержавие и держать народ в повиновении. Такими наградами правительство объединяло себя с духовенством и дворянами. Царь Василий Шуйский стал жаловать и купцов правом на курение вина. Некоторые купеческие фамилии получили царские грамоты на это. Но дворяне очень были недовольны такою льготою «неблагородному сословию». Они добились своего, хотя и не скоро. В 1759 году императрица Елизавета повелела «купеческие винокуренные заводы уничтожить». На счет же крестьян в законе, напр., царя Алексея Михайловича сказано было твердо и ясно: Буде крестьяне учнут вино курить и продавать, у тех крестьян сечь (т. е. отсекать) руки и ссылатъ в Сибирь.

Вообщем, при Иване Грозном и следующих за ним царях (Федоре Ивановиче, Борисе Годунове, Федоре Годунове, Василии Шуйском, Михаиле Федоровиче Романове, Алексее Михайловиче Романове) дело стояло так:

1) были особые так сказать, царские винокурни, о которых речь впереди; затем были винокурни монастырские, боярские, дворянские и очень немногие купеческих; крестьянам курить вино строго воспрещалось.

2) были кабаки монастырские и боярские. Главным же образом спиртные напитки продавались из кабаков царевых. Для управления царскими кабаками при Алексее Михайловиче существовали особые «приказы»: приказ большого дворца и приказ большой казны. Всего царевых кабаков было, говорят, около 1000. Некоторые кабаки давали царской казне в год 10—12 тысяч рублей дохода. Со всех же кабаков, как думают, получалось миллиона два*. Но за правильность этой цифры поручиться нельзя. Несомненно лишь, что доходы были значительны. Посмотрим, откуда они брались.

Г л а в а III.

ПОСТРОЕНИЕ КАБАКА

Теперь нетрезвому человеку, если он просит милостыни, нередко в насмешку говорят:

* Еще раз напоминаю, что это по тогдашнему счету. На нынешние же деньги выйдет раз в 10—15 больше.

— Подайте, Христа ради, на построение кабака.

Было, однако, время, когда действительно приходилось просить Христа ради на построение кабака. И люди не смеялись над этими словами, а наоборот, живо соболезновали тому, кто говорил их, и подавали на построение кабака так же усердно, как ныне подают, например, погорельцам. Дело в том, что лишь говорилось: «кабак великого государя московского», но кабаки строила вовсе не Москва. Из Москвы только присылался приказ: «построить кабак». А самую постройку население обязано было производить своими средствами и за свой счет. Кроме того, само население обязано было доставлять в кабак вино, т. е. или построить винокурню, или подрядить винокуров. Это также на свой счет. Затем население обязано было выбрать «верного человека» для торговли в кабаке. Этот верный человек, обыкновенно, давал присягу не утаивать доходов и полностью передавать их в царскую казну. Отсюда и название «целовальник», т. е. кабацкий торговец целовал крест и Евангелие в подтверждение своей присяги. Но присяга была лишь для формы. А на деле за своего выборного отвечало опять-таки население. То есть, если выборный целовальник растратил выручку, или не внес в царскую казну столько, сколько назначено Москвою, то всю недостачу взыскивали с населения. В приказах об открытии кабаков так и писалось: «а буде явится остановка какая-нибудь, или выберете дурных людей, или учините какой-нибудь убыток, то быть вам в опале и во всяком разоренье». Недостаточная выручка, обыкновенно, развешивалась. И кто не платил наложенной на него доли, того «ставили на правеж», т. е. выводили на площадь, раздевали и били палками до тех пор, пока не заплатит. От правежа могли избавиться только дворяне. Дворянин имел право вместо себя поставить на правеж своего холопа.

Бывало, что хоть господские служители и усердно быют неисправного плательщика, а он все-таки не платит. На этот случай воеводы имели приказ: «если людишки на правеж начнут отстаиваться и денежных доходов платить не станут, у таких дворы их, имения, лавки отписать на великого государя». Таким образом, поступление в казну кабацкого дохода было обеспечено.

Но вот, положим, население построило кабак, поставило вино, выбрало целовальника. Началась торговля. Целоваль-

пику надо во что бы то ни стало продавать как можно больше, чтобы собрать, сколько нужно, в царскую казну. Из Москвы на этот счет приказы были решительные. Целовальнику вменялось в обязанность «действовать бесстрашно, за прибыль ожидать государевой милости и в том никакого себе опасения не держать, а питухов не отгонять».

«Питухи» — по нынешнему, пьяницы. Их прежде всего надо было привлечь к кабаку: иначе какая же торговля? В Москве строго за этим следили. Одному целовальнику, который жаловался: «в твоих, государь, царских кабаках, питухов мало», было отвечено: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало».

В городе Орлове в 1681 году кабак, по причине неурожая и скотского падежа, недовыручил восьми рублей за год, а целовальники пожаловались, что питухов стало меньше; в ответ из Москвы велено было произвести строгое дознание. В Белозерске в 1677 году случился недобор по той же причине («люди оскудели, а питухов было мало»); из Москвы вышел приказ произвести повальный обыск. Попадали в целовальники, конечно, и ловкие люди, которые умели спаивать народ. Напр., в Верхотурье одно время водворилось повальное пьянство. Пьянствовали «служилые люди, стрельцы, казаки, ямщики, пашенные крестьяне». Все стали «питухами». «Крестьяне от кабака одолжали и обнищали». Служилые люди, стрельцы и казаки, чтобы добывать денег на выпивку, впали в тяжкое лихонмство. Обо всем этом воеводы Барятинский и Языков в 1623 году донесли в Москву. «Унимать не смеем, — писали они, — боясь кабацкого недобора». На это из Москвы воеводам дан был выговор:

«То вы пишете, — говорилось в царском указе, — не радуя о нашем деле... Кабак, ведь, заведен не вчера, а давно... И до вас много воевод перебыло в Верхотурье, но никто из них о том кабаке нам не писал, а едч. вместо того, чтобы искать перед прежним прибыли, хотите старое потерять... У вас в Верхотурье не одни служилые люди пьют, а есть много приезжих из разных мест Сибири, и поэтому кабак уничтожить нельзя... Поручаем смотреть накрепко, чтобы доходы перед прежними годами собраны были непременно с прибылью...».

Через 5 лет из Москвы новым указом было подтверждено:

«Чтобы нашему верхотурскому кабаку и нашей казне недобора не было».

Наравне с служилыми людьми спаивалось и духовенство. «Питухов» из духовных лиц нашлось немало. В Шуче, напр., в одно время подвизались дьякон соборный Ларион, поп Григорий, пономарь, да старец шуйского монастыря Савватей. О них жаловались, что «пономарь все пьян валяется», дьякон либо в кабаке, либо, приходя к собору, и днем и ночью в колокола, ради пьяной забавы, бьет, поп Григорий в пьяном виде по улицам бродит, «мужской и женский пол бранит», срамные части тела всем показывает и озорничает, а старец Савватей «на кабаке пьет, иноческое с себя пропивает и в зерню играет».

Для спаивания употреблялось много средств. Во-первых, целовальники заводили при кабаках игры в карты, в зернь (т. е. в кости). И таким образом, кабак превращался в игорный притон. Игры в царевом кабаке не считались делом позорным. Наоборот, они поощрялись. Так, соликамскому кабацкому голове Андрияну Жданову была выдана награда за хорошую выручку «от вина и карт».

Во-вторых, при кабаках или поблизости от кабаков устраивали помещение для продажных женщин. В Москве к этому относились как к неизбежному злу. Правда, в царской грамоте 1623 года двинскому воеводе решительно осуждаются те монастыри, которые при своих кабаках «женок держат». «Оттого, — писал царь Михаил Федорович, — святому месту и царскому богомолью чинится позор великий». Но в данном случае речь идет о монастырских кабаках. Того же, что целовальники царевых кабаков устраивают публичные дома, Москва старалась не замечать.

В-третьих, в кабаке каждый оседлый житель имел возможность получить водку и под заклад и даже без заклада — просто в долг. Человеку стоило лишь один раз напиться. А когда он приходил опохмеляться, ему давали водки, сколько хотел, не спрашивая денег. Долг кабаку считался долгом государю. И каждого, кто не платил добровольно кабацкого долга, ставили на правеж. А если и правеж не помогал, то имущество должника отбиралось в пользу государя. Если же имущества не хватало, то кабацкий долг взыс-

кивался со всего общества, к которому должник был приписан. Вообще кабацкие долги взыскивались строго. «Я, — доносил, напр., целовальник Андрей Образцов государю Михаилу Федоровичу, — никому не норовил, правил (т. е. взыскивал побоями) твои государевы доходы нещадно; побивал насмерть». С такой же, кстати заметим, нещадностью «правились» долги монастырских кабаков. Между прочим, об одном из сборщиков Троице-Сергиевской лавры Семене Иванове сохранилось такое сведение.

Приехал он в монастырскую деревню (6 мая 1679 г.). Собрал мир и сборных целовальников, поставил их на правож и целовальника Михаила Федорова бил поленом без милости, всего избил до самого увечья, причем говорил: «дай мне полведра вина, а не дашь — прибью до смерти, нешто мне сделаешь». Избив его, он украл у него рублю денег. На сборщика была подана жалоба Лавре. Лавра на жалобу ответила:

— А вы бы, крестьяне, деньги платили. Тогда бы вас и не били.

Каждый, кто попадал в царев кабак, находил здесь «разливанное море». Здесь шел нескончаемый кутеж, здесь же были азартные игры; игроки, вконец спившиеся пропойцы, ворашки, бродяги, публичные женщины. — все это ютилось в кабаке и жадно набрасывалось на човичка. Вот почему порочные люди избегали заходить в кабак. Одни просто из стыда. Другие из боязни, так как в кабаках старались спавать людей, а нередко и грабили. Среди кабацких пропойц были мастера обольстить человека и напоить пьяным. А пьяный поступал в полное распоряжение целовальника. В одном московском наказе целовальникам, между прочим, говорится, как надо поступать с пьяными:

«А которые нитухи озадорятся и напьются пьянствовать безобразным... таких унимать и, обобрав его всего, в особый чулан, чтоб проснулся положить, а как проснется, по вине смотря, наказать его словами, или высечь батожем, все отдать ему в целости, а взять только по правде, сколько он пропил». По какой правде мог брать целовальник — псяснять чет нжда. Он, ведь, имел власть высечь проспавшегося багогами. И обобранному человеку оставалось лишь уйти подобру-поздорову пока его не стали бить.

Кабак был страшное место. И недаром народ решает

самому царю писать, что «подле государева кабака жить не мочно». И недаром целые села порою умоляли: лучше обложите нас всех дополнительным оброком, только закройте ради Бога кабаки. Но Москва, обыкновенно, на это не соглашалась. И она была права. По оброку неизбежны недоимки. Оброк — дело заметное. Неловко, стыдно назначать его свыше меры. А кабацкий доход без недоимок. Кабак добывал деньги вернее всякого налога. И в то же время позволял говорить:

— Народ не обижен, налоги у нас не чрезмерные. А что в кабаках много пропивается, — в этом виноват народ, за чем пьянствует?

Г л а в а I V

КАБАЦКОЕ РАЗОРЕНИЕ

Не надо, однако, думать будто, построивши кабак и посадивши в нем целовальника, население могло успокоиться. Наоборот, построение кабака было лишь началом невзгод. И чем оборотливее оказывался целовальник, чем больше он умел привлекать «питухов», тем больше напастей грозилло населению. Дело в том, что если кабацкий доход был значителен, то им хотели пользоваться и монастыри, и дворяне, и воеводы, и всякого рода иной — чиновный и речеповный люд.

У монастырей были свои кабаки. И когда вблизи царева кабака находился монастырский, то естественно, монастырь стремился перетянуть «питухов» на свою сторону. И если монастырскому целовальнику это удавалось, то «недобор» по царскому кабаку должно было платить само население. Вот почему между монастырями и населением нередко возникали не только тяжбы, но и междоусобные драки. Для примера расскажу вкратце о вражде между селом Лысковом и Макарьевским монастырем. Лысково на правом берегу Волги; и в нем был царев кабак; а Макарьевский монастырь насупротив на левом берегу Волги, и там же первоначально находился монастырский кабак. Но потом монастырь соблазнился доходами царева кабака, построил на правом берегу Волги возле Лыскова пустынь, а возле пустыни новый кабак. В этот кабак, разумеется, ушла

часть «питухов» из Лыскова. А так как селу от этого грозил «недобор», то между монастырскими людьми и лысковцами начались нескончаемые ссоры и драки. Монастырь то и дело посылал в Москву доносы на лысковских целовальников. А лысковцы жаловались на монастырь. В старину же никакая жалоба не обходилась без взяток. Взятки, или, как их прежде называли, «поминки», платил московским приказным монастырь, платило «поминки» и село. Приходилось платить «поминки» и воеводе, и сотникам, и всякому иному «начальству». Одно время лысковцы ублаговторили воеводу «поминками» щедрее, чем монастырь. И воевода приехал лично водворить порядок. Он явился в монастырский кабак и переловил «питухов», какие там были, под тем предлогом, что они «беглые холопы». Таким образом, лысковцы взяли верх. Но вслед за тем монахи отправили щедрые «поминки» в Москву. И из Москвы был послан водворить порядок некий дворянин Мостинин. Он запретил лысковцам перебивать торговлю монастырскому кабаку. Сельчане не выдержали. Вооружились топорами и дубинками, взяли приступом монастырский посад Крестцы (ныне город Макарьев) и монахов частью убили, частью изувечили... Распря эта велась очень долго. И прекратилась окончательно лишь тогда, когда монастырские кабаки велено было закрыть, а царевы были отданы в откуп купцам Расторгуевым.

Дворяне также открывали свои кабаки возле царских. А если дворянин не имел права на кабак, то открывал «квасную лавку», в которой под видом кваса продавалась водка. Борьба с этой бедою население не могло, так как дворяне и бояре были люди властные. И жаловаться на них порою было не только бесполезно, но и прямо таки опасно. Все чиновники были из дворян и бояр и друг друга, разумеется, поддерживали. Впоследствии, при Екатерине II, дворяне, между прочим добились, чтобы напр., крепостным было запрещено жаловаться. И каждая такая жалоба стала рассматриваться, как государственное преступление. И когда крестьяне пожаловались, напр., на помещиков Лопухина, Леонтьева и Толстого, то царица Екатерина II приказала всех жалобщиков поголовно высечь плетью, а затем, если Лопухин, Леонтьев и Толстой пожелают, сослать в Черныш на каторгу (для работы на землях Кабинета Ея

Величества). Жалобу же велено было не рассматривать. В сей говорилось не об кабаках, но случай этот показывает, к чему могли привести жалобы на сильного человека. Этою безнаказанностью пользовались все, кому не лень. Сибирские воеводы, напр., не стесняясь, заводили собственную торговлю, а в царских кабаках иной год ни единого ведра продавать не позволяли. Между прочим, когда Сибирь была завоевана, то на сибирских народцев московские цари наложили особую дань — ясак. Ясак взимается до сих пор и идет в личную собственность государя. И вот, когда бывало народцы эти привозили ясак, то воеводы посылали им навстречу водку; посланцы воеводские подпаивали доверчивых дикарей, и те, пропивали весь ясак. А затем, когда все пропито, воеводы приказывали взыскивать царскую дань, и таким образом дикари лишались всего своего добра.

Сибирь, впрочем, далеко. И там каждый, власть нмущий, делал, что хотел. Но вот, напр., что было близ Москвы, в городе Коломне, при царе Алексее Михайловиче. Здесь «служилые люди» открыто торговали водкою сначала на улицах и базарах. А затем стали приходить прямо в царев кабак и продавали здесь свою водку. Целовальники пригрозили пожаловаться. Ответ на угрозы не замедлил. 6 декабря 1653 года служилые люди с солдатами пришли в царев кабак, стали «ломать поставы и питье кабацкое лить.., а целовальника Абакума Ременникова да работника Ивашку Долгова убили, — пробili им головы до мозга и руки и ноги переломали». Конечно, жители понимали, что за «недобор» в кабак им придется платить из своего кармана. Поэтому некоторые старались покупать водку у целовальников. «Служилые люди» и против этого нашли средство. Они поставили около кабака солдат, а солдатам было приказано купленное у целовальника вино отнимать и выливать на землю.

Так было, повторяю, близ Москвы, в Коломне. Да и в самой Москве водку, помимо кабака, продавали солдаты, стрельцы, дьяки, подьячие и всякий иной приказный люд. Возле самого царского дворца в земском приказе была устроена продажа водки. «Служилые люди» продавали ее и чарками, и ковшами, распивочно и на вынос, а пьяных обкурывали в карты и даже прямо грабили. От этого в царевых кабаках был недобор. Но он взыскивался с населения.

Далее, великую напасть населению мог причинить всякий вообще кулак и мироед. Так, в 1622 году в Угличе объявился некий Пашин. Он написал царю Михаилу Федоровичу, что общается наторговать в кабаке много прибыли. Москва этому обещанию обрадовалась. И угличанам велено было отдать кабак Пашину, а в помощь ему выбрать целовальников. Добившись своего, Пашин откровенно заявил горожанам:

— Обещался я собрать в царскую казну 1300 руб. Если чего не наберу, то запишу в долгу за вами.

А должников, как я уже говорил, ставили на правеж... Через год угличане слезно жаловались царю, что Пашин разорил их законед. Не трудно сообразить, к чему вела эта московская гоговность пользоваться всяким предложом, чтобы новысить кабацкую выручку. Население вынуждено было откупаться от всякого, кто грозил: «а вот я посулю государю выручить больше, чем ваш целовальник, и тогда вы меня будете знать...»

Наконец, много горя причиняли и целовальники. Порядочные люди на эту должность не шли. Бывали случаи, что человек, которому грозила участь попасть в целовальники, убегал из родных мест и скрывался неведомо где. Поэтому выбирали, обыкновенно, либо людей отпетых, либо бедняков, которым некуда деться и нечего есть. Выбранный совершенно отрывался от дома и хозяйства. Кабацкая торговля отнимала у человека все время с утра до вечера. А между тем, жалованья целовальнику не полагалось. Казна рассуждала, что так как население на свои средства строит царю кабак, то и содержать целовальника должно также население. А население считало, что так как целовальник служит царю, то и жалованье должен платить царь. Словом, получалось, что если «целовальнику не украсть, то и хлеба достать негде». И пока целовальник из выручки «крал по-божьему», только «себе и детям на пропитание» было полбеда. Полбеда было и то, что целовальник крал на взятки приказным и воеводе. Без этого нельзя было обойтись, ибо если не дать взятки, то приказные немедля тайдут унушение, либо добьются повышения кабацкой выручки. Хуже бывало, когда целовальник, захвативши с собою всю выручку, скрывался. Тогда украденное им взыскивалось с населения. Но настоящее разорение наступало,

если целовальник предпочитал не красть сразу, а наживаться и богатеть исподволь. Тогда он, действительно, мог разорить народ и пустить по миру целые села.

Дело в том, что на целовальника возлагалось преследовать «тайное корчемство», т. е. вольное курение водки. Для этого дела целовальнику полагалось иметь особых шпионов, называемых «корчменными сыщиками». Само собою разумеется, что сыщики эти вовсе не мешали заниматься корчемством восводам, приказным и вообще чиновному и сановному люду. «Власть имущих» целовальник благоразумно не трогал по пословице: «с сильным не борись, с богатым не судись». Но беднякам было плохо. Целовальник и его сыщики имели право во всякое время прийти в любой дом, произвести обыск, поломать печь (под тем предлогом, что там водка замурована), перевернуть полы, потолки и даже стены, раздевать донага женщин. Из Москвы от царя не раз бывали приказы «корчемного питья не подметывать». Но та же Москва знала, что целовальники и сыщики от этого выгодного занятия не откажутся. Кто не соглашался откупиться от обыска, тому сыщики тайком приносили надвор водку, ставили ее в сенях, в сарае, или еще где-нибудь, а затем целовальник являлся с обыском и, конечно, находил подброшенное... И обысканному оставалось или дать крупную взятку, или его уличали в «корчемстве». А за это, как уже сказано было выше, полагалось отрубить руку и ссылака в Сибирь. Точно так же из Москвы иногда присылалась приказы, чтобы целовальники «никого клепать не учили». Однако, Москва хорошо знала, что «без воклепа кабак не живет». Любой сыщик в том же кабаке мог нанять пропойцу, который готов был клясться и божаться, что такой-то или такой-то человек (на кого целовальник укажет) тайно торгует водкой: «сам де я у него нынче целый штоф купил». Оклеветанному оставалось лишь «откупиться», ибо в противном случае у него отрубали руку.

Повторяю, в Москве хорошо знали о целовальниках и их проделках (встарину все вообще злоупотребления назывались «буровством»). Царь Федор Алексеевич, как человек благочестивый, подумывал даже о том, нельзя ли уменьшить «кабацкий грех». Собственно речь шла не о том, чтобы уничтожить кабаки: отказаться от питейного дохода казалось делом невозможным. И не о том шла речь, чтобы из-

бавить народ от кабацкого разорения. Но московскому правительству стало жалко целовальников:

— Горестно, что целовальники воруют, — объяснил патриарх намерения государевы. — Но ничего мы против этого сделать не можем. И за этот свой грех целовальники перед Господом Богом ответ держат. Но, ведь целовальники присягу дают не воровать. Крест и Евангелие в том целуют. Значит, присягу они нарушают. И за этот грех нет их душам спасения.

Поэтому патриарх предлагал — целовальников к присяге не приводить, «чтобы душевредства не было». Бояре же на это возражали:

— И с присягою «было воровство многое, а без присяги опасно — воровство будет больше прежнего».

Царь все-таки присягу отменил. Но «воровство» началось такое, что через два года присяга была восстановлена.

Г л а в а V

ПРИКАЗНАЯ СОВЕСТЬ

Вообще московское правительство стыдливостью не грешило. О стыде Москва сложила поговорку: «стыд — не дым: глаза не выест». Не слишком боялся московский приказный люд и греха. На этот счет сложилась другая поговорка: «грех в орех, а зерно в рот». Пример тому, что стыдиться не следует, подавала верховная власть. Ее даже письменные приказы порою отличаются неслыханною откровенностью. Напр., воеводе Петру Горчакову было приказано: «приманить нелымского князя Аблегирима, да жен его, да племянников, да внучат, да лучших людей его», внушить им, «чтоб они пошли без боязни к государевым воеводам, государь-де их пожалует», а когда «нелымский князь и дети его придут за государевым жалованьем, то всех их казнить». Точно также кузнецкому воеводе было приказано: «послать к князю Айдарку служилых людей, позвать его в гости, ласково, а когда придет, — повесить».

Таково же обращение было и с народом. Пока народ молчал и жил тихо, приказные неустанно грабили и обижали. Так шло, покуда терпение народное не истощалось. То и дело в Москве и в разных частях государства вспыхивали

восстания и бунты. Порою не только воеводам или боярам, но самому царю приходилось выходить к бунтовщикам и вести переговоры с ними. Бунтовщики жаловались на «московскую волокиту» и неправду, на то, что они «вконец разорены» приказным лихоимством, и требовали, чтобы этого больше не было. Власти клялись, что они неправду выведут с русской земли. Обе стороны хлопали друг друга по рукам в знак договора. Потом в знак примирения целовались. И целоваться с вожаками бунтовщиков опять-таки приходилось не только воеводам, но порою и самому царю. А пока шли эти переговоры и лобзания, в толпе сновали сыщики и записывали «лучших людей» из бунтовщиков. То, есть людей, которые заметно даровитее других, умнее и влиятельнее. После «рукобיתья» и лобызаний наступало, обыкновенно, временное успокоение. Власти старались не «раздражать народ». А затем всех, кто был записан сыщиками, арестовывали, казнили, ссылали, и все начиналось по-прежнему, до следующего бунта. Покойный писатель Николай Константинович Михайловский недаром сравнивал Россию с кринкой молока, с которого постоянно снимают сливки. Едва появлялись «народные сливки», т. е. люди даровитые, преданные народу, способные руководить народом, власть старательно их замечала и уничтожала, по евангельскому завету — «поражу пастыря, и рассеются овцы». И народ, лишенный лучших своих людей, действительно, рассеивался, как «овцы без пастыря».

Словом, Москва не стыдилась. При Алексее Михайловиче даже был такой случай. Целовальники стали жаловаться царю, что, приезжая по делам службы в Москву, они до крайности разоряются, так как приказные умышленно задерживают дела. Из-за этой «волокиты» — жаловались целовальники приходится нам давать приказным большие взятки и харчами, и деньгами; приказные же в надежде еще больше получить, устраивают новую задержку, и оттого мы разоряемся вконец. На эту жалобу в 1660 году последовал указ: чтобы выборным и целовальникам не страдать «лишний раз от московской волокиты», пусть приезжают в Москву только раз в год. Таким образом, государственная власть, не стыдясь, признала «московскую волокиту», как нечто должное и законное.

Однако кабацкое безобразие было так велико, что даже московским глазам, привыкшим бояться, не стыда, а дыма,

становилось неловко. Между прочим, при том же Алексее Михайловиче новопоставленный патриарх Никон заговорил, что уж очень от кабаков срам велик. Царь с этим согласился. Было устроено 11 августа 1652 года совещание о кабаках. И затем последовал такой указ царя:

«Советовали мы с отцом своим и богомольцем, святейшим патриархом Никоном и со всем священным собором и с боярами, и с окольничьими, и со всеми нашими думными людьми о кабаках, и указали: во всех городах, где были до сего кабаки, быть по одному кружечному двору, а в меньших, где малоллюдно, кружечным дворам не быть... Продавать вино по одной чарке и одному человеку, а больше той указанной чарки не продавать, и на кружечных дворах, и близко двора питухам сидеть и питье продавать им не велено, и бражникам (пьяницам), и зернщикам (игрокам) на кружечном дворе не быть. По постам вина не продавать, священнический и иноческий чин на кружечный двор не пускать и вина им не продавать».

Казалось бы, такая грамота должна заканчиваться словами:

— А потому, мол, решено наложенный на кабаки царский доход уменьшить.

Однако, указ предписывал:

— Целовальникам сказать, чтобы им с кабака собрать перед прежним с прибылью.

То есть, вина не продавай, а выручки больше. Иначе говоря, недовырученное должно быть уплачено населением. Казалось бы, далее, что и эта невзгода временная. В первые годы население будет вынуждено платить кабацкого «недобора» много. Но затем, прибыль от кабаков, конечно, будет уменьшаться; мало-по-малу определится, сколько при новых порядках кабак может выручить. И с этой цифрой московское правительство поневоле примирится. Тогда доход царской казны от кабака станет значительно меньше; за то и срама прежнего не будет. В Москве быстро заметили эту опасность. И вот же Алексей Михайлович вскоре послал новый указ: «питухов с кружечных дворов не отгонять», чтобы «великого государя казне учинить прибыль». А когда целовальники жаловались: «в твоих, государь, царских кабаках питухов мало», из Москвы по-прежнему посылались воеводам приказ расследовать: нет ли среди целовальников хитрости и к царской службе нерадения. И если кто из посторонних докажет, что целовальник виноват, «то этим людям (доносчикам) дать

царское жалованье по рассмотрению, да им же (виновного) целовальника отдать животы и промыслы». Это значило, что целовальника по оговору доносчика брали и пытали, и если он под пыткой признавался, что был нерадив к царской службе, то все его имущество отдавалось доносчику. Такая участь грозила тому, кто выполнял царский указ 1652 г. Далее, патриарх Никон добивался, чтобы в малолюдных городах кабаков не было. И, судя по указу 1652 года, добился этого. Однако тот же патриарх Никон в то же самое время выпросил кабак и доход своего любимого Новосерусалимского монастыря в малолюдном месте на реке Екодре. Получилось, таким образом, следующее. Если бы кто стал упрекать, положим, Никона кабацким безобразием, патриарх мог бы ответить:

— Не виноваты мы в этом. Наоборот, мы сами стараемся это безобразие уничтожить. Не голословно говорю. Смотрите сами, какой был указ послан. Но что же делать, если народ наш строптив, непослушен, испорчен, во грехах погряз. Нет у нашего народа ни стыда, ни совести. Указов не слушает. Оттого и безобразие.

Дело в том, что указ 1652 года был торжественный, «все-народный», о нем на площадях кричали. А другие указы, противоположные ему, были неторжественные и никому неизвестные, кроме чиновников. Поэтому иностранцам, приезжавшим в Москву, предоставлялось думать: «какое в России благожелательное правительство и какой скверный народ», а народ думал: «в Москве дела по правде решают, а вся беда от мошенников воевод и приказных, ибо они указов не исполняют». Впоследствии эта манера делить указы на настоящие и общезвестные была усовершенствована. И понемногу установился порядок, наблюдаемый ныне: во всеобщее сведение издаются законы, а о том, как надо поступать, чиновникам рассылаются секретные указы или циркуляры.

Этим обычаем воспользовался, между прочим, и министр Вигте, когда вводил свою «казенную монополию». Он старался всех уверять, будто казенная торговля водкой устраивается с единственной целью — уменьшить «народное пьянство». И даже одновременно с казенными кабаками завел, так называемые, попечительства о народной трезвости. Попечительства эти существуют, и по закону должны стремиться к сокращению кабаков. Но когда крестьяне хотят «потрезветь» и приговором просят закрыть в их селе «казенную винную

лавку». правительство весьма этого не одобряет. На просьбы о закрытии казенного кабака обыкновенно следует отказ. А кое-где члены попечительства о народной трезвости — земские начальники рассматривали такой приговор, как бунтовщическое деяние и подписавшихся под приговором сажали в кутузку. Так обстоит дело в действительности. На бумаге же правительство всячески заботится об уменьшении пьянства и всячески поддерживает попечительство о трезвости.

Такую же показную совестливость обнаружила Москва, когда самое слово: «кабак» среди народа стало ругательным и позорным. Сохранять название «царев кабак» было прямо-таки неудобным. Тогда Москва объявила, что уничтожает «кабаки», т. е. велела их называть «кружечными дворами». Таким способом удалось убить сразу двух зайцев: с одной стороны, позорный кабак был уничтожен на бумаге и каждый приказный дьяк мог говорить: «нет у нас на святой Руси кабаков», а с другой стороны — доходы царские сохранились полностью, ибо кабаки остались по-прежнему, только на них переменили вывеску. Впрочем, название «кружечный двор» тоже сделалось ругательным. Уже после Петра Великого, когда царствовала дочь его от Марты Скавронской Елизавета Петровна, было велено слова «кружечный двор» уничтожить, а называть кабаки «питейными домами», и при том не царскими питейными домами, а казенными. Еще позже, при государе Николае Павловиче, когда и «питейный дом» прослабился, один сановник, по фамилии Мордвинов, предлагал новое название: «лавка продажного вина». Но об этом речь ниже.

Г л а в а VI

КАК ИСЧЕЗ ЦАРЕВ КАБАК

Несколько лет назад между двумя русскими министрами С. Ю. Витте и П. Л. Горемыкиным возник спор. Горемыкин убеждал, что надо распространить земские и городские общественные управления для заведывания местными хозяйственными делами (постройками дорог, мостов, больниц, школьных зданий и т. п.). А Витте убеждал, что, наоборот, земские и городские общественные управления не только нельзя распространять, но наоборот, надо существующие уничтожить. Вкратце доказательства таковы:

— В России верховная власть самодержавна. Она может делать все, не спрашиваясь, нравятся народу ее действия или не нравятся. Между тем в земствах и в городских общественных управлениях люди делают не то, что им приказано, а то, что они сами находят более правильным. Отсюда выходят три неудобства. Во-первых, выборные земцы, напр., решая свои местные общественные дела, естественно желают, чтобы и государственные дела решались выборными людьми, а не единоличную властью государя. Во-вторых, когда общественного управления нет, население разьединено и потому молчит, хотя бы распоряжение начальства ему не нравилось. Каждый человек чувствует, что один в поле не воин, и потому не прекословит. А когда население благодаря, например, земству объединено, то оно уже чувствует свою силу, и осмеливается возражать не только против губернаторских распоряжений, но и против министерских циркуляров и даже против Высочайших указов. В-третьих, с каждым отдельным человеком самодержавное правительство может поступать как угодно. Например, Родичев сам по себе или Петрункевич сам по себе могут быть по желанию начальства и казнены и помилованы. Иное дело, если те же Родичев и Петрункевич — выборные люди; например, гласные губернского земства. Их бы порою и хотелось наказать, но опасно, потому что могут выразить неудовольствие все избиратели. Значит, самое существование выборных людей неизбежно ограничивает самодержавие, мешает правительству всегда поступать так, как хочется. Витте вполне соглашался с тем, что выборное земство гораздо лучше, чем чиновники, устраивает дороги, больницы и все другое, необходимое для населения. Но, говорил он, главную задачу правительства составляют не эти мелочи, а поддержание и укрепление самодержавия. Поэтому необходимо выборное начало уничтожить.

Доказательства министра Витте собраны в написанной по его приказанию книге: «Самодержавие и земство». Горемыкин против этих доказательств ничего не мог возразить. И одно время в России было решено верховным правительством выборные земства постепенно упразднить. Необходимо, однако, заметить, что встарину хорошо понимали, почему всякое местное самоуправление и всякие выборы мешают самодержавию. И, например, при царе Алексее Михайловиче, правительство исподволь уничтожало уцелевший от былых времен

обычай выбирать должностных лиц. Таким образом, уничтожились понемногу и выборные целовальники. Появились целовальники назначенные. И в отличие от прежних, выборных, их велено было называть «бурмистрами». Эти бурмистры, или управляющие кабаками, были, конечно, послушнее и удобнее выборных целовальников. Но они приносили и очень важное неудобство: население, очевидно, не могло отвечать за действия назначенного чиновника, а следовательно, и не обязано было платить из своего кармана в случае недовыручки в кабаке, или если бурмистр совершил растрату. Поэтому сам собою возникал вопрос:

— Как устроить, чтобы и целовальник был назначенный и чтобы народ нес за него ответственность?

На первое время устроили так: бурмистра назначали, а когда он приезжал на место, то производилось нечто вроде опроса. «нравится ли, мол, вам, миряне, этот человек». Такой опрос и считался выборами. Однако, сами бурмистры находили такой оборот дела неправильным. Они считали себя чиновниками, или, как прежде выражались, «царскими холопами». Звание же: «царский холоп» считалось почетным и высоким. Выборных людей правительство старательно принижало. Они не имели права называться «холопами». И назывались «сиротами». Тем не менее каждый бурмистр считал, что он холоп. Так он норовил подписываться и в дозвещениях царю. Правда, царь запрещал это. В одном царском указе гневно сказано: «как смеете вы писаться холопами, когда наперед сего писались сиротами? Кто после этого будет писаться холопом, того будем бить нещадно». Не смешивать долго выборы с назначением было неудобно. Выходило все-таки так, словно население вправе утверждать назначенное правительством лицо. А, следовательно, может и не утвердить. В конце концов пришлось признать, что назначенный целовальник есть самый несомненный «холоп», стало быть, население за него не отвечает. А так как холопы воровали нещадно и возмещать украденное ими стало некому, то правительство нашло в конце концов более выгодным для себя — сдавать кабаки на откуп. Государынею Екатериною II откупные кабаки были распространены на всю Россию. То есть право торговать водкой стало сдаваться на года с торгов. Кто больше дал на торгах, положим, за право торговли в Московской губернии, тот становился московским

откупщиком. Он платил в казну, сколько было условлено, открывал кабаки, вел торговлю. И, конечно, наживал большие деньги. Прибыль откупщика была явною потерей казны. И внук Екатерины II Александр I решился снова ввести казенную торговлю водкой. 2 апреля 1817 года об этом вышел Высочайший манифест. Снова появилась казенная продажа питей, но на этот раз оптом. Продажу же враздробь было предоставлено производить частным лицам. Предполагалось, что при оптовой торговле воровства чиновничьего не будет. Но в действительности воровство началось страшное. Чтобы возместить украденное, пришлось повысить цену на водку: вместо 6 рублей за ведро было назначено 8 руб. Но и это не помогло. Доходы уменьшались. Наконец, преемнику Александра I Николаю I министр финансов Канкрин доложил. «Казенное управление (кабаками) показало то важное неудобство, что все злоупотребления по этой части обращаются непосредственно в упрек правительству». И в 1827 году «казенное управление» было уничтожено, и снова введен откуп.

Выгод, значит, такой:

— Старинную земщину, т. е. местное самоуправление посредством выборных людей, правительству надо было уничтожить, так как она мешала самодержавию. Это удалось не сразу. Привычка решать свои дела была у русского народа сильна. Она осталась от тех времен, когда существовало вечевое устройство, т. е. когда народ решал все дела, выбирал себе князя, а если князь поступал неправильно, то увольнял его. Но в конце концов земщина была уничтожена. Все управление стало чиновничьим. Самодержавие восторжествовало. Но это торжество привело, между прочим, к необходимости отдать питейные доходы в откуп, ибо сделалось невозможно, чтобы за растраты и недоборы целовальника отвечало все население.

Г л а в а VII

О Т К У П

В последние годы царствования государя Николая Павловича торговля водкой находилась в руках 216 откупщиков. Давали они казне в год дохода около 160 миллионов рублей. Причем по договору с правительством откупщик

обязывался платить в казну по 3 р. 75 коп. за каждое ведро водки, а продавать ту же водку не дороже 3 р. за ведро. (За продажу выше этой цены полагалось наказание). Причем откупщик должен был на свои средства содержать кабаки, платить жалованье целовальникам и т. д. Получается нелепость: за что же откупщик платил казне, если правительство обязывало его терпеть на каждом ведре 75 к. убытку? Однако, это не нелепость. Ибо, в действительности, откупщики, по приблизительному подсчету получали в год не менее 500 миллионов рублей чистой прибыли. Да не меньше половины этой суммы высасывали из народа доверенные, сидельцы, приказчики и прочие служащие откупщиков. Объясняется этот непостижимый фокус так.

Во-первых, откупщики продавали водку вовсе не по 3 рубля ведро. На самом деле водка продавалась по 8 и даже по 10 р., т. е. за бутылку откупщик брал не 15 коп., как было указано, а 40 и даже 50 коп. Правда, правительство в своих газетах опубликовало, что откупщики, дескать, обязаны дороже 15 коп. за бутылку не брать. Но горе было простакам, которые этому верили и являлись в кабак с требованием отпустить водку по законной цене. С такими «смутьянами» полиция справлялась жестоко.

Во-вторых, откупщики вместо узаконенной водки продавали разбавленную водкой воду с примесью чаще всего настойки из дурману, иногда табаку; примешивали также «для крепости» медную окись и другие ядовитые и одуряющие вещества.

В-третьих, не малый доход если не самому откупщику, то его многочисленной челяди, давало разыскивание, так называемого, тайного вина. Дело в том, что во владения каждого откупщика никто не имел права ввозить водку из соседних местностей. Поэтому, обыкновенно, откупщик имел право на всех дорогах и заставах ставить свою стражу и обыскивать проезжающих. На подмогу откупщической страже правительство ставило солдат. В конце царствования Николая I этой, так называемой, корчемной страже жалованье платилось частью из казны (из сумм «земского сбора»). Подчинялась же она откупщику. В Малороссии откупщик имел право не только обыскивать проезжающих, но и конвоировать их «от одной заставы до другой, а если проезжающий останавливается на обед или ночлег, то учредить

за ним надзор». Дворян, чиновников, духовных лиц «корчемная стража», обыкновенно, не трогала. Но крестьянам приходилось круто. Везут они, например, в город на рынок рожь, рыбу, пеньку или что иное. Около заставы — стой. Если дашь откупщику выкуп, тебя пропустят без задержки. Не дашь — жди, пока тебя обыщут. Еще хуже было обозам, когда везли, напр., товар из Курска в Москву или из Москвы в Курск (железных дорог не было); приходилось на каждой заставе откупаться. Бывало и так, что кордон откупщика занимался прямо-таки разбоем «на законном основании» и под охраною полиции. Так, одно время стража нижегородского откупщика хватала на заставе проезжающих мужиков и обирала, а, если нечего было обобрать, то надругалась. Один из сотрудников «Московских Ведомостей» был очевидцем такого надругательства: «пара лошадей бежит рысью, к пустым саням веревкой привязан мужик и тоже, конечно, бежит, а верхом на мужике сидит поверенный откупщика и погоняет» (Моск. Вед. 1859 г., № 34). А вот что некоторое время проделывали откупщиковы стражники в Харьковской губернии. В мешок с овсом они клали бутылку водки, и бросали на дороге, перед заставой. Проезжающий крестьянин подбирал, конечно, мешок и клал, ничего не подозревая, на воз. Около заставы его обыскивали, находили, разумеется, в овсе водку. И мужику приходилось либо сесть в тюрьму, либо отдать откупщиковой страже все, что у него есть.

Кроме того, откупщикова стража, по указанию хозяина или его поверенного, имела право производить обыски в домах. И у кого находили «тайную водку», тот попадал под суд. Во что превращались эти обыски, можно судить по следующему случаю, бывшему в той же Харьковской губернии. Здесь один богатый крестьянин играл свадьбу. Пользуясь этим, какой-то бедняк забрался к нему на гумно, чтобы украсть намолоченного зерна. И вот когда он насыпал свой мешок, то к гумну подъехали откупщиковы люди, зарыли в скирду бочонок и, разговаривая во время этой работы, между прочим, упомянули: «а обыск завтра в обед». Как только они ушли, вор отправился к хозяину и чистосердечно рассказал, как было, и что видел. Хозяин был человек догадливый. Он тотчас же достал подброшенный стражею бочонок. Водка была немедленно выпита. А на другой день в обед, действительно, явилась стража с обыском. Хозяин заявил: — Добровольно обыскивать не дам. А если хотите, давайте

залогу 500 р. Если вы у меня найдете тайную водку, то берите мои деньги. А если не найдете, то я возьму ваши.

Стража, видимо, соблазнилась «заработать» 500 рублей и приняла это условие. Деньги были внесены поручителям, и стражники приступили к обыску. Бочонка своего они, конечно, не нашли. Хозяин взял себе выигранные 500 рублей. И тут же при свидетелях раскрыл, какое мошенничество устраивала «корчемная стража».

В четвертых, откупщикам при Александре I было дано право заводить «негласные кабаки», т. е. попросту дома разврата. Позже откупщики пользовались этим средством наживы, так сказать, по обычаю.

Конечно, начальство обязано было (если верить опубликованному закону) привлекать откупщика за всякое злоупотребление к ответу. Но как исполнялась эта обязанность, можно судить по следующему случаю. В селе Кармышеве, Медынского уезда, крестьяне вдруг перестали пить водку. Встревоженный откупщик донес об этом начальству. Начальство не замедлило приехать, согнало сход и приступило к допросу:

— Почему вы не пьете водки?

— Так, не желаем, — ответили крестьяне.

— Почему не желаете?

Несколько крестьян надумали объясниться откровенно:

— Вино — это один разор хозяйству. Шутка сказать — восемь рублей ведро.

Начальство сделало вид, что оно этого не слышит, ибо за такую цену по закону откупщика надо было наказать.

— Да и вино-то больно плохо, — пожаловался один мужик. — Хуже нашей воды.

На этот раз начальство услышало. И «смутьян» подвергся строгому допросу:

-- Как плохо?

— Да так плохо, как бывает плохо: живот больно пучит.

— Как ты смеешь это говорить?

И вслед за тем «смутьян» получил в ухо...

Почему власти мирволили откупщику, догадаться не трудно. Само министерство финансов в конце концов опубликовало, сколько платил «некий откупщик» взятку разным чиновникам. Вот этот список:

1) По губернскому городу: губернатору 3000 р., канце-

лярии губернатора 1200 р., полицеймейстеру 1200 р., секретарю полиции 300 р., 3 частным приставам 720 р., 6 квартальным 360 р., исправнику 600 р., окружному 500 р., 3 становым 720 р., неперемному заседателю 300 р., секретарю земского суда 300 р., председателю казенной палаты 2000 р., советнику питейного отделения 600 р., столоначальнику того же отделения 500 р., винному приставу 600 р. — Итого 13000 р.

2) По уездному городу: городничему 420 р., секретарю полиции 200 р., частному приставу 240 р., 2 квартальным 120 р., исправнику 420 р., окружному 420 р., 3 становым 240 р., неперемному заседателю 240 р., на казенную палату 500 р., винному приставу 420 р. — Итого 3700 р.

В этот список, к сожалению, не вошли откупщики поминки архиереям и министрам. А без поминок и там дело не обходилось. Знаменитый в свое время откупщик Кокорев так понравился в Петербурге министрам, что ему была предоставлена в Орловской, напр., губернии, «власть не стесняться». Всего же заметнее связь между откупщиками и «высшими правителями» обнаруживалась в делах об обществах трезвости.

Одним из первых за проповедь трезвости пострадал епископ воронежский Тихон, причисленный впоследствии к лику святых. Было это при Екатерине II. 30 мая 1765 года откупщики по случаю праздника выкатили на площадь бочки с вином и началось повальное спаивание народа. Преосвященный Тихон не вытерпел — вышел на площадь и обратился к народу с проповедью. Слово епископа имело успех. Народ разбил бочки с вином и прекратил пьянство. Откупщики немедленно послали в Петербург доклад:

— Архиерей, мол, «смущает народ, учит не пить водки и тем подрывает казенный интерес».

В Петербурге на дело взглянули строго. И преосвященный Тихон вынужден был удалиться на покой. Однако проповедь о трезвости не умирала. И в конце царствования Николая I в самом народе обнаруживается стремление основывать общества трезвости. Когда же воцарился Александр II и прошли слухи, что готовится уничтожение крепостного права, число обществ трезвости стало сильно умножаться. Не только крестьяне в селах, но и горожане составляли приговоры, чтобы водки больше не пить. Откупщики

забили тревогу. И вот тут произошло нечто, в высшей степени странное. В апреле 1859 года министры признавали, что требуемые откупщиками меры против обществ трезвости «неуместны». В июле того же года святейший синод говорил в своем указе, что он «благославляет священнослужителей ревностно содействовать возникновению в некоторых городских и сельских сословиях благой решимости воздержания от употребления вина». Но вслед за тем откупщики обратились к правительству с дерзкой просьбой: «отменить указ синода». И синоду через министра финансов было сделано следующее замечание: «совершенное запрещение горячего вина не должно быть допускаемо, как противное не только общему понятию о пользе умеренного употребления вина, но и тем постановлениям, на основании которых правительство отдало питейные сборы в откупное содержание». Синодский указ был отменен. Вместо него последовал новый указ: «прежние приговоры городских и сельских обществ о воздержании от вина уничтожить, и впредь городских собраний и сельских сходов для сей цели нигде не допускать». Таким образом, общества трезвости были запрещены и подверглись преследованию.

Вообще же откупщики пользовались деятельною поддержкою правительства. Губернаторы, например, еще со времен Александра I были особым указом обязаны оказывать откупщикам «особое покровительство во всех делах и нуждах откупа», и «по долгу звания подавать откупщику руку помощи и доставлять справедливость». Правда, из Петербурга порою получались указы, не выгодные откупщикам. Не на такие указы, по признанию самарского губернатора, местное начальство смотрело, «как на одну лишь формальность, не требующую действительного исполнения». Правительство хорошо знало об этом. И хорошо понимало, какой смысл имеет налагаемое на откупщика обязательство платить казне за ведро водки 3 р. 75 коп., а продавать то же ведро по 3 рубля. Обязательство это, разумеется, выполнить было невозможно. Но, благодаря ему, губернаторы, председатели казенных палат и все прочее начальство легко могло причинить откупщику неприятность. И, следовательно

* Синодом так и сказано: в «некоторых». О повсеместной трезвости не говорилось. Она считалась опасной, так как грозила уничтожением питейного дохода.

но, это обязательство обеспечивало губернаторов, исправников, полицеймейстеров, станowych и всех прочих, что откупщик будет платить им приличное вознаграждение.

Г л а в а V I I I

А К Ц И З

Хоть откупщики и обязывались платить казне до 160 миллионов рублей в год, но в действительности казна не получала этих денег полностью. Во-первых, многие откупщики замошенничивали казенные деньги. Например, откупщик Евреинов не внес в казну около 4 миллионов рублей. А когда хотели с него эту сумму взыскать, то оказалось, что его имущество и капиталы куда-то исчезли. Другой откупщик Гарфунгель, когда надо было платить, бежал за границу и увез с собою 1 миллион 125 тысяч казенных денег. Во-вторых, казне приходилось платить ежегодно жалованье откупщицкой страже. В-третьих, откупщицкова стража заполняла тюрьмы пойманными ею «преступниками». Например, в 1858 году в тюрьмах сидело около 111 тысяч человек — «подсудимых по питейным делам». Эту «армию» казне надо было кормить, судить, ссылатъ. Между тем, число «подсудимых» возрастало. Население было страшно возмущено откупам. В разных местах, например, в Холмогорском и Онежском уездах Архангельской губ., в Пензенской губ., дело доходило до того, что народ разбивал и уничтожал кабаки. Для «усмирения» надо было посылать воинские команды. Если исключить все эти потери и расходы, то откуны давали казне гораздо меньше 160 миллионов.

Затем, соблазнительной казалась и сама прибыль откупщиков. Откупщики, как уже было сказано, наживали ежегодно не менее 500 миллионов рублей. И естественно хотелось, чтобы по крайней мере часть этих денег шла в казну, а не в карман откупщика. Сверх того, против откупщиков шло сильное брожение в народе. Хотя газетам и запрещено было «вредить откупу», т. е. писать о злоупотреблениях откупщиков, но оттого брожение не уменьшалось. В конце концов откуп пришлось уничтожить, что и было сделано в 1863 году. Установлена была, так называемая, вольная продажа водки, обложенная акцизом. Это значило вот что.

За винокуренными заводами был установлен надзор акцизных чиновников. Акцизные наблюдатели, сколько ведер выкурит заводчик, и какой крепости. Положим, на заводе выкурено 100 ведер 60% водки. Значит, заводчик должен был уплатить казне за 6000 градусов. Затем, водка поступала в оптовые водочные склады, где ее разбавляли водой. Причем акцизные были обязаны наблюдать, чтобы склад выпускал водку не ниже 40-градусной крепости. Для раздробительной продажи каждый желающий мог открыть питейный дом. Для этого ему стоило лишь оплатить, так называемый, патентный сбор в казну и, кроме того, особый налог на кабатчиков, установленный городскими и сельскими обществами. В городах этот сбор взимался городскими управами. А в селах, обыкновенно, сход давал разрешение открыть кабак, но постановлял, чтобы кабатчик платил ежегодно обществу определенную сумму. Акцизные надзиратели обязаны были следить, чтобы в кабаках водка была 40-градусной крепости, т. е. чтобы кабатчик не разбавлял ее водой.

В первое время шло довольно гладко. Но затем и полиция, и кабатчики, и акцизные надзиратели быстро приспособились к новому порядку. Начав с того, что кабатчики имели, так называемые, льготные градусы. Хоть и полагалось, чтобы водка была 40 градусов, но так как спирт летуч и теряет крепость даже при переливании из одной посуды в другую, то было установлено, что кабатчик не отвечает, если водка имеет не 40 градусов, а на несколько десятых градуса меньше. Многие оптовые склады этим воспользовались, и стали отпускать в кабаки водку, вместо 40 градусов, в 39 1/10, 39 7/10 и т. д. А дабы акцизные смотрели на это, сквозь пальцы от складчика им было положено «жалованье», как во время откупа. А получивши жалованье от складчика, акцизные снисходительно относились и к тем кабакам, которые покупают у него водку. Кабатчики поняли, что это дело выгодное. И местами установилось так, что целовальники платили складчику «на акциз», а складчик лишь распределял деньги между акцизными.

Далее, целовальник не имел права продавать водку по ночам, не имел права давать водку под заклады, не имел права устраивать игры в карты. Но в действительности и ночная торговля быстро процвела, и заклады принимались, и многие кабаки обратились в выгодные притоны. Все это в

России устроить довольно легко: стоит лишь платить «жалованье» городовым, околоточным, приставам, и прочим полицейским чинам. А задобривши полицию, каждый мог действовать, как ему заблагорассудится. Бывали случаи, что кабатчик самовольно вызывал солдат из казармы «для усмирения взбунтовавшихся покупателей». И солдаты по зову этому приходили и усмиряли*. Таким образом, значение кабака всецело зависело от личных качеств целовальника. Если целовальник совестливый человек, то в его кабаке было мирно; одни собирались сюда, чтобы выпить, а другие просто, чтобы побеседовать, провести время. Такие кабаки являлись как бы клубами для малоимущих людей. Но целовальник мог из своего заведения сделать не только игорный, но и разбойничий притон: и этим выгодным делом можно было заниматься безнаказанно, стоило лишь давать хорошие взятки полиции. А так как в самодержавном государстве полиция безнаказанна, то не мудрено, что большая часть кабаков превратилась в притоны, где людей спаивали и обирали. Правительство пыталось с этим бороться. Но оно сваливало вину не на полицию, а на кабатчиков. При Александре III был издан новый закон: чтобы вино распивочно продавалось только из трактиров (а за право иметь трактир назначена высокая плата, — несколько сот рублей в год), а из обыкновенных кабаков, переименованных в ренсковые погреба, разрешалось продавать водку только навынос; кроме того, были заведены особые «вишние лавки», откуда разрешалось продавать водку навынос только в запечатанной посуде. Надеялись, что если в кабаке нет в продаже распивочно, то не будет и притонов. Этот закон значительно увеличил доходы полиции. Но в ренсковых погребах и даже в вишних лавках часто велась такая же «распивочная торговля», как и в трактирах.

Чтобы избавиться от кабаков-притонов, возникло два проекта. Первый проект предлагал следующее:

— Раз правительство не хочет отказаться от доходов с водки, пусть акциз будет сохранен. Но пусть открытие и содержание кабаков будет предоставлено или сельским и

* Такой случай, был, между прочим, в Брянске Орловской губернии. Избитые солдатами крестьяне жаловались. Но дело было замято. И лишь командовавший «усмирителями» унтер-офицер был «разжалован», т. е. лишен пашивок.

городским обществам (проект Аксакова), или земским и городским общественным управлениям.

Между прочим, сельским обществам кое-где удавалось устраивать «мирские кабаки». Пишущему эти строки известен один такой кабак в Черниговской губернии. Сельское общество открыло его с целью «наторговать денег» для постройки школы и ремонта церкви. В селе там очень хороший священник — один из редких в России «попов — народолюбцев». За правильностью торговли наблюдало все село. Но в конце концов главное наблюдение перешло к священнику. Батюшка строго следил, чтобы кабак закрывался вовремя, и чтобы в нем не было никаких «безобразий». Благодаря этому, кабак вскоре стал не столько кабаком, сколько сельским клубом. Давал он обществу в год несколько сот рублей дохода. Полиция добилась, чтобы этот кабак, не дающий сй прибыли, был закрыт. Вообще начальство не одобряло мысль о мирских и общественных кабаках. Да оно и понятно. Благодаря торговле спиртными напитками общественные учреждения окрепли бы и усилились. А это, как основательно доказал бывший министр финансов Витте, вредно самодержавию.

Второй проект был разработан старым откупщиком Кокоревым. Этот бывший владелец отданной ему министрами Орловской губернии предлагал следующее:

— Частную продажу питей упразднить, а завести казенные винные лавки, так, чтобы весь спирт у заводчиков скупила казна.

Кокорева поддерживали помещики. Его проект был представлен от имени «собрания сельских хозяев» властному при Александре III министру Бунге. Сельские хозяева убеждали, что они хотят добиться уменьшения народного пьянства. Но это были лишь слова. В действительности же речь шла вовсе не о пьянстве.

Г л а в а I X

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗЕННОГО КАБАКА

«Больной кабак» помог укрепиться крупным виноторговлям. Московские, напр., фирмы Петра Смирнова или Кошелева поставляли водку на всю Россию. Кроме этих всерос-

сийских фирм были также фирмы местные. Например, в западной части Орловской губернии вся водочная торговля находилась в руках купцов Мартынова и Боева. Мы уже видели, что водочная прибыль считалась дворянской собственностью. Но когда открылся «вольный каба́к», дворяне не выдержали купеческой конкуренции и лишились своей «собственности». В той же хотя бы Орловской губернии дворяне-винокуры были вынуждены продавать спирт либо Мартынову, либо Боеву. А Мартынов и Боев лишнего не заплатят и ничего зря не примут. Вот почему дворяне кричали, что вольный каба́к «развращает народ» и убивает «сельскохозяйственное (т. е. помещичье) винокурение». По этой же причине «сельские хозяева» горячо ухватились за мысль Кокорева, — чтобы всю водку у заводчиков скупала казна. Каждый помещик хорошо знает, что для него гораздо выгоднее продавать спирт тароватой для дворян казне, а не соблюдающему свою выгоду купцу.

Таким образом, речь шла в сущности о дворянских выгодах. И ради этих выгод казне предлагалось:

1) Построить по всей России свои водочные склады, свои спиртоочистительные заводы и вообще все приспособления для оптовой заготовки водок;

2) Оборудовать по всей России свои мелочные винные лавки.

Иначе говоря, от казны требовалось ради выгоды дворян-винокуров единовременно затратить миллиарды рублей, и притом затратить зря, без надежды вернуть истраченное. Правда, «сельские хозяева» убеждали, будто казна сверх акциза, выручит в своих лавках всю ту прибыль, какую имели кабатчики. Однако министр Бунге без труда убедил государя Александра III, что прибыли этой казна не получит и не может получить, ибо чиновники возле кабаков постараются иметь свой доход. Мысль «воспособить дворянскому винокурению» была оставлена. Но к концу царствования Александра III заботы правительства о дворянстве усилились. Министром финансов был назначен защитник самодержавия Витте. Витте хорошо понимал, что дворянство необходимо для защиты и поддержки самодержавной власти. А следовательно, необходимо, чтобы дворянам были предоставлены особые права и преимущества. Он взялся за проект Кокорева, и 6 июня 1894 года государственный совет

постановил ввести с 1 января 1895 года в губерниях Оренбургской, Пермской, Самарской, Уфимской, казенную продажу водки, или так называемую казенную винную монополию. Однако даже состоящий из дворян государственный совет испугался тех тяжких жертв, каких требует Витте от казны, и решил, чтобы казенная монополия существовала только в этих четырех губерниях и при том «в виде опыта». Постановление было утверждено Государем и стало законом. Но Витте решил не признавать этого закона. Он, вопреки законному порядку, помимо государственного совета, добился того, что 11 июля и 9 декабря 1894 года были подписаны заготовленные им указы о распространении «казенной монополии» на всю Россию. На основании этих незаконных законов были истрачены сотни миллионов рублей на постройку казенных зданий (для хранения и переработки дворянского спирта). И с 1 июля 1901 года повсеместно в Европейской России водворен тот «государственный каба́к», об упразднении которого теперь, т. е. всего через 5 лет, приходится и говорить, и думать.

Редактор-издатель В. Б. Петрищев

ИЗ ИСТОРИИ КАБАКОВ В РОССИИ

*Ответственный за выпуск А. Б. Петрищев.

Редактор Е. В. Доценко.

Изд. № 530. Тираж 4 тыс. Заказ 5448.

Редакционно-издательский отдел Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Приморского крайисполкома.

690105. Владивосток, просп. 100-летия Владивостока, 104/2.

Типография № 3, г. Уссурийск, Тимирязева, 67.